

Глава 29

Имя Линь Цзао — Цзао.

Утреннее приветствие — цзао.

Хоть и один и тот же иероглиф, но смысл разный.

Линь Цзао, держа на руках Линь Сяобао, стоял у окошка на скамейке, и его лицо мгновенно залилось краской.

Это... то...

Он невольно поджал пальцы на ногах, вцепившись в подошву тапочек.

То есть...

Линь Цзао ёрзал на месте, его взгляд метался по сторонам, он не смел посмотреть на Фу Чэна.

В общем... ах!

Как он мог забыть, как его зовут?

Как он мог подумать, что Чэн-гэ желает ему доброго утра?

Как он мог...

Ночью не спал, да ещё и плакал.

У него, похоже, мозги набекрень съехали!

Линь Цзао опустил голову, готовый провалиться сквозь землю.

Они с Чэн-гэ полчаса выли «цзао-цзао-цзао».

Он ещё и песни ему пел, неудивительно, что Чэн-гэ смотрел на него с таким недоумением.

От одной мысли об этом голова кружилась!

Но не успел он упасть в обморок, как Фу Чэн из кладовой снова позвал его:

— Цзао.

Линь Цзао не знал, как ему ответить, и, опустив голову, пробормотал:

— Что?

Голос был таким тихим, что его не услышал не только Фу Чэн, но и Линь Сяобао.

— Папа, большой папа тебя снова зовёт, — легонько потянул его за рукав Линь Сяобао.

— Я слышал, — смущённо ответил Линь Цзао, не поднимая головы.

— Тогда почему ты не отвечаешь?

— Я ответил!

Линь Цзао поднял голову, быстро взглянул на Фу Чэна и тут же отвернулся.

Стыдно! Ужасно стыдно!

Линь Цзао, держа на руках Линь Сяобао, крутился на месте, как юла.

— Папа, у тебя что, блохи? — снова спросил Линь Сяобао.

— Конечно, нет, папа очень чистоплотный... — громко ответил Линь Цзао, но тут же поправился. — Есть! У папы есть блоха, и это ты, маленькая блошка!

— Гадкая маленькая блошка, всё время выдаёшь папу, всё время его подставляешь, кусаешь папу, и у него всё чешется.

— Я не кусал папу, — невинно моргая большими глазами, сказал Линь Сяобао. — Папа сам блоха, папа — большая блоха, только что прыгал тут туда-сюда!

— Я...

Линь Цзао осёкся, прикрыл ему рот ладонью и ущипнул за щёчку.

— Всё, всё, хватит. Ещё слово, и папа отсюда прыгнет.

— Ладно.

Снисходительность к папе — добродетель.

Линь Сяобао послушно поднял ручки и зажал себе рот.

Но он по-прежнему, подняв голову, смотрел на папу.

Линь Цзао надул щёки, успокоился и снова посмотрел на Фу Чэна.

Фу Чэн тоже смотрел на него, вернее, его взгляд был прикован к нему и не отрывался ни на секунду.

Он снова позвал:

— Цзао.

Голос по-прежнему был низким и хриплым, как у зверя, только что научившегося говорить.

Линь Цзао поджал губы и тихо ответил:

— Чэн-гэ, это я, я здесь.

Весёлый Сяо Цзао, поющий Сяо Цзао, бегающий туда-сюда Сяо Цзао.

Как и сейчас, спокойный Сяо Цзао, — Фу Чэну нравились все.

Озорной Сяобао, умный Сяобао, Сяобао в пижаме.

Как и сейчас, с любопытством смотрящий на него Сяобао, — Фу Чэну тоже нравился.

Стоило ему увидеть их, как он становился счастливым.

И Линь Цзао с Линь Сяобао чувствовали то же самое.

Неважно, умел ли Фу Чэн говорить, пел ли он фальшиво.

Неважно, был ли он человеком или зомби, — они его любили.

Семья из трёх человек, разделённая окном, молча смотрела друг на друга.

Фу Чэн звал «Цзао», и Линь Цзао отвечал «это я», «я здесь».

Раз за разом, без усталости, без скуки.

Спустя некоторое время тишину нарушили два громких звука.

«Гур-гур...»

Линь Цзао и Линь Сяобао одновременно опустили головы.

— Папа, у тебя в животе урчит, так громко.

— Сяобао, у тебя тоже урчит, ещё громче!

— Это потому, что твой живот его позвал, вот он и ответил.

Время завтрака, они оба проголодались!

Линь Цзао попрощался с Фу Чэном:

— Я пойду приготовлю завтрак, а ты пока потренируйся говорить, только не переусердствуй.

— Я сейчас принесу тебе завтрак, поешь, а потом будешь тренироваться.

— Мы с Сяобао будем вместе учить тебя говорить.

Фу Чэн ответил, но не рычанием, а «Цзао».

Ладно, возможно... Фу Чэн сделал это слово своим любимым.

Линь Цзао улыбнулся и, держа на руках Линь Сяобао, спрыгнул со скамейки.

— Пойдём, умоемся, почистим зубы, а потом будем готовить завтрак.

— Угу, — кивнул Линь Сяобао и снова спросил: — Папа, а почему большой папа зовёт только тебя по имени, а меня нет?

— Потому что... — Линь Цзао задумался. — Потому что большой папа ещё учится. Ты же тоже говоришь, что иероглиф «Бао» очень сложный и ты не умеешь его писать?

— Точно, — кивнул Линь Сяобао. — У большого папы такой же ум, как у меня. Если я ещё не научился, то и большой папа, наверное, не сможет.

— Правда? — рассмеялся Линь Цзао. — Тогда вы оба старайтесь! Когда у нас будет время, мы будем спускаться и учить большого папу, договорились?

— Договорились!

Отец и сын пошли наверх умываться.

Фу Чэн вернулся в угол, провёл рукой по стене, поглаживая вырезанный им иероглиф, ставший от его прикосновений гладким.

— Цзао... Цзао... Цзао...

Он научился! Он действительно научился!

Фу Чэн всхлипнул, его грудь сильно вздымалась, а кадык судорожно дёргался.

Но даже в таком волнении он не смел расслабиться ни на секунду.

Он боялся, что, замолчав, забудет, как произносится иероглиф «Цзао».

Он не мог остановиться.

Линь Цзао и Линь Сяобао поднялись наверх.

Они быстро переоделись, почистили зубы, умылись и спустились готовить завтрак.

Вчера вечером дедушка Чжан принёс им пакет рисовых крекеров. Они никуда не выходили, сухой паёк им был не нужен, так что сейчас они пришли как нельзя кстати.

Вот только крекеры были слишком сухими, есть их всухомятку было тяжело.

И Линь Цзао решил сварить к ним суп.

Он открыл морозилку, достал пакет с постным мясом и кусок свиной печени.

Мясо осталось от того раза, когда он топил сало.

Немного, всего несколько кусочков.

Печень принёс Фу Чэн, вместе с другими субпродуктами.

Линь Цзао надел фартук, промыл мясо и печень, положил на разделочную доску и нарезал тонкими ломтиками.

Пока Линь Цзао резал, Линь Сяобао стоял рядом, держа в руках две миски из нержавеющей стали.

Нарезанные мясо и печень нельзя было сразу бросать в кастрюлю, их нужно было немного замариновать.

Поэтому Линь Сяобао был наготове!

— Папа, в левую миску — мясо, в правую — печень.

— Можно и не разделять, всё равно вместе варить.

— Нельзя, это же разные вещи, нужно разделять.

— Хорошо, тогда лишнюю миску будешь мыть ты.

Линь Цзао, держа в правой руке нож, левой сдвинул нарезанное мясо.

Собираясь положить его в миску, он на мгновение задумался:

— Хм...

Линь Сяобао покрутился на месте, выпятил животик и напомнил:

— Папа, это правая сторона!

— А, — Линь Цзао бросил мясо в миску.

— Папа, ты сегодня какой-то глупый.

Только что большой папа звал папу, а папа не понял.

А теперь и право с лево путает.

Линь Сяобао нахмурился и с беспокойством посмотрел на него.

— Я просто хотел спросить, с твоей левой стороны или с моей, — объяснил Линь Цзао.

— Хм... — Линь Сяобао не только не успокоился, но забеспокоился ещё больше. — Но моя левая сторона и папина левая сторона — одинаковые.

— Как это одинаковые? — Линь Цзао повернулся и принялся резать печень. — Мы же стоим лицом друг к другу, значит, наши лево и право разные.

— М-м...

Линь Сяобао опустил голову и посмотрел на две миски в своих руках.

Он дважды пробормотал про себя: слева — мясо, слева — мясо.

Затем он повернулся и встал на то место, где только что стоял папа.

Точно! Слева — мясо! Ничего не изменилось!

Изменился папа.

Линь Сяобао обернулся, посмотрел на занятого папу и, ничего не сказав, шмыгнул носом.

Папа поглупел!

Папа больше не самый умный в семье!

Как же так?

Их мир — рухнул!

Линь Цзао нарезал печень, повернулся и встретился с печальным взглядом Линь Сяобао.

— Что случилось? — недоумевая, спросил он.

Линь Сяобао подошёл к нему, нахмурился, сжал кулачки и торжественно заявил:

— Папа, не волнуйся, я обязательно защищу тебя и большого папу!

Это была клятва маленькой опоры, данная папе и большому папе!

— А... — кивнул Линь Цзао, перекладывая печень в другую миску. — Ладно, спасибо, Сяобао.

— Я буду очень стараться! — с отчаянием в голосе сказал Линь Сяобао.

— А теперь помоги папе замариновать мясо и печень.

— Угу! — решительно кивнул Линь Сяобао.

Линь Цзао взял солонку и насыпал по щепотке соли в каждую миску.

Для супа не нужно много соли, достаточно, чтобы мясо было немного солёным.

Добавив соль, он налил немного воды, чтобы мясо не было сухим.

Линь Сяобао встал на скамеечку у плиты и, держа в обеих руках палочки, принялся усердно мешать.

Нужно было размешать соль и дать мясу впитать воду.

Когда он почти закончил, Линь Цзао достал банку с бататовым крахмалом, насыпал по две ложки в каждую миску и велел Линь Сяобао продолжать мешать.

Бататовый крахмал удержит влагу, и мясо получится нежнее.

Пока Линь Сяобао работал, Линь Цзао поставил на огонь кастрюлю с водой.

Когда вода закипела, он взял замаринованные мясо и печень и, бросая по одному кусочку,

чтобы они не слиплись, опустил их в кипяток.

Нельзя было бросать всё сразу, иначе они бы слиплись, и нельзя было перемешивать сразу, иначе крахмал бы отвалился, и суп стал бы клейким.

Когда всё мясо и печень были в воде, он подождал, пока они схватятся, а затем аккуратно помешал деревянной лопаткой.

Когда мясо сварилось, можно было выключать огонь.

Были бы у них листья дерезы, можно было бы бросить пару штук в суп.

Но их не было, поэтому Линь Цзао оторвал два листа салата и бросил их в кастрюлю.

Салат был ярко-зелёным, печень — тёмно-коричневой, а мясо — светлее, нежно-розовым.

Линь Цзао, глядя на дымящийся суп, сглотнул слюну и замечтался.

— А если бы ещё и миску рисовой лапши сварить, было бы вообще идеально.

— Лапша со свиной и печенью, да с жареным лучком.

— И ещё жареное яйцо, чтобы оно впитало в себя весь бульон...

— Папа! — поспешно прервал его Линь Сяобао. — Мы же договорились, что сегодня едим крекеры! Нельзя варить лапшу, мы столько не съедим!

— Можно на обед, — вытирая губы, сказал Линь Цзао. — Если суп останется, на обед сварим лапшу.

— А, — вздохнул Линь Сяобао, с укором глядя на него.

— Сяобао, что это за взгляд? — Линь Цзао ущипнул его за пухлую щёчку. — Не веришь папе?

— Нет, — покачал головой Линь Сяобао.

Он просто беспокоился за папу.

Папа поглупел, сможет ли он готовить?

А вдруг... вдруг он обожжётся?

Только что, когда папа варил суп, он очень волновался.

Готовить должен самый умный в семье.

Но он не умел...

Как маленькая опора семьи, он не умел готовить.

Линь Сяобао всё больше расстраивался и, понутив голову, покорно следовал за папой.

Папа, не глупей! Он не хотел, чтобы папа глупел!

Линь Цзао совершенно не чувствовал, что поглупел, и поэтому не замечал грусти Линь Сяобао.

Он просто перелил суп в большую миску.

— Сяобао, пойдём вниз, позавтракаем с большим папой, хорошо?

— Можно?

— Конечно, можно. Так же, как ты раньше ел у двери в комнату большого папы, — Линь Цзао распределил обязанности. — Я понесу суп, а ты — крекеры, пойдём вместе.

— Хорошо.

Отец и сын спустились на первый этаж.

Линь Цзао велел Линь Сяобао принести кусок картона, подстелить его на красный пластиковый стул и поставить на него суп.

Без подставки горячая миска могла расплавить пластик.

— Я поднимусь за мисками и ложками, а ты принеси скамеечку, и не трогай суп, он горячий.

— Хорошо.

Линь Цзао быстро сбегал на второй этаж, принёс миски, ложки и термос.

Он налил в термос суп, взял три больших рисовых крекера и отнёс их Фу Чэну.

Фу Чэн по-прежнему стоял в углу и, рыча, тренировался говорить.

— Чэн-гэ? Чэн-гэ!

Лишь услышав знакомый голос, Фу Чэн обернулся.

— Кушать! — улыбаясь, сказал Линь Цзао. — Сначала подкрепись, а потом будешь говорить.

Фу Чэн, конечно же, не хотел. Он не смел останавливаться ни на секунду, боясь забыть, как говорить.

Но в следующую секунду Линь Цзао сказал:

— Мы с Сяобао будем есть здесь, снаружи, мы втроём, как семья.

Фу Чэн на мгновение замер, а затем издал горловой звук, похожий на мурлыканье.

— Ты согласен?

Линь Цзао передал ему завтрак в корзине.

— Тогда ешь скорее, осторожно, горячо, я тоже голоден.

Семья из трёх человек, разделённая железной дверью, вместе позавтракала.

После завтрака Линь Цзао убрал посуду, а Линь Сяобао велел принести с верхнего этажа его детские карточки с иероглифами и цифрами.

Но трёх сложных иероглифов на карточках не было, поэтому Линь Цзао вырезал три картонки и сделал их сам.

С сегодняшнего дня он будет учить Чэн-гэ говорить!

Чэн-гэ, несомненно, будет первым в мире говорящим зомби!

А потом, когда Чэн-гэ научится говорить, слушаться, перестанет нападать на него и Сяобао, он сможет открыть дверь в кладовую и выпустить его в дом.

И тогда они снова будут жить как раньше.

Кроме того, что они теперь разных видов, никаких проблем не будет.

К тому же, у них с Чэн-гэ уже есть Сяобао, и больше детей они не планируют.

Так что и межвидовой барьер — не проблема

<http://bllate.org/book/16977/1587099>